

18+

Клавдия
Князева

Черная
магия
Трепетуники

Привороты, присушки,
чаровники

Клавдия Князева

**Черная магия Трепетунихи.
Привороты, присушки, чаровники**

«Издательские решения»

Князева К.

Черная магия Трепетунихи. Привороты, присушки, чаровники /
К. Князева — «Издательские решения»,

Данное издание представляет собой практическое руководство по деревенскому славянскому колдовству, в котором подробно рассматриваются методы работы с четырьмя первостихиями и принципы взаимодействия с домашними духами-покровителями. Авторские заговоры предназначены для практикующих традиционную магию и исследователей этнокультурного наследия.

© Князева К.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вызовы	8
Ветер в грозу	8
Три узла в грозу завязать	9
На воду грозовую вернуть девицу	10
Вернуть через приказ домового	11
Ерастон и парни его	12
Сестрами-лихоманками вернуть	13
Приворожить девицу	14
Тоску на девицу наслатъ	14
О вселении Елизы в девицу через куклу	15
Любовный заговор на росу	17
Приворотные слова на три воды ключевые	18
Солью окормить на любовь жгучую	19
Присуха на костер в ветреную погоду	21
На наливное яблочко Елизку вселить	22
Присуха на рыбу	23
Для любви на яблоко	24
Присуха-подчин на муравейник	25
Приворот на зеркало	26
На еду и питье	28
Присуху пустить по ветру	30
На воду речную	31
Приворот на траву полынь	32
Приворот на щепку и нитку	33
Приворот женки на кольцо для мужика	34
Эрастон (на тоску жены по мужу)	35
Страсть лютую разжечь через три куска мяса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Черная магия Трепетунихи Привороты, присушки, чаровники

Клавдия Князева

© Клавдия Князева, 2026

ISBN 978-5-0070-9240-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Любовь — непредсказуемое чувство. Ее нельзя выменять на социальный статус, вытребовать шантажом или купить за самый щедрый подарок. Она подчиняется законам, которые современная психология пытается разложить по полочкам, но раз за разом терпит поражение перед лицом иррационального «хочу». Когда логика бессильна, когда доводы рассудка разбиваются о глухую стену чужого равнодушия, а сердце продолжает изнывать от тоски по одному-единственному человеку, рука сама тянется к запретному. К тому древнему знанию, что веками передавалось шепотом.

Эта книга создана для тех, кто предпочитает действовать. В ней нет места пустым утешениям и советам из глянцевого журнала вроде «полюби себя сначала». Здесь собраны рабочие инструменты для конкретных жизненных ситуаций. Материал намеренно разделен на несколько четких направлений, потому что магия любви требует точности. Универсальных ключей не существует: то, что зажжет искру в глазах юной девушки, окажется бесполезным для возвращения страсти в многолетний брак.

Первая часть книги — это сугубо практическое руководство. Архитектура человеческих привязанностей сложна, и мы будем двигаться по ней методично, переходя от одной задачи к другой:

Привороты на девушек. Здесь требуется легкая артиллерия: оморочки на красоту, шепотки на встречный ветер, присушки на утреннюю росу. Цель этого раздела — не сломить волю, а обратить внимание, заставить обернуться вслед, выделить вас из толпы таких же жаждущих внимания. Это тонкая настройка оптики: как стать единственным для своей избранницы.

Супруга — это уже состоявшийся выбор, скрепленный бытом, привычками и общими воспоминаниями. Но быт имеет свойство стирать остроту чувств, превращая страсть в дежурную вежливость. Раздел «Привороты на женок» адресован тем, кто борется за свой дом. Задача этих практик — смыть серую пыль рутины, напомнить телу жены забытый трепет желания и вернуть мужчину в центр ее вселенной, закрыв его восприятие для любых посторонних влияний.

Мужские дела и задачи часто уводят кормильца далеко за порог дома — в работу, в заботы, в бесконечную гонку за выживанием. Он возвращается в семью физически, но мыслями остается там, на полях сражений повседневности. Практики этого блока направлены на заземление. Они мягко, но настойчиво притягивают сознание мужчины обратно к домашнему очагу, напоминая подсознанию, где находится его истинная гавань, покой и восстановление сил.

Мужская природа отличается от женской. Если девушку часто берут измором, красотой или легкой игрой, то мужское сердце — это крепость с иными правилами осады. Парни мыслят категориями действия, азарта, интереса и обладания. Чтобы приворот лег крепко и не вызвал отторжения, он должен резонировать с этой энергией. В этом разделе собраны практики разной степени тяжести: от легких оморочек для создания искры до жестких узлов для привязки того, кто уже решил уйти.

Привороты на красоту (чтоб казаться краше всех). Прежде чем мужчина полюбит вашу душу, он должен зацепиться взглядом. Внешность — это первый пропуск в мир чужой интимности. Здесь собрана алхимия притяжения. Эти практики создают ту самую необъяснимую ауру сияния, которая заставляет прохожих оборачиваться, а вашего избранника — видеть в вас эталон, затмевающий любую соперницу.

Любовь бывает разной. Иногда нам нужен не конкретный партнер, а теплое расположение мира. Чтобы начальник перестал придирается, чтобы свекровь сменила гнев на милость, чтобы

соседи улыбались искренне, а в новой компании принимали за свою. Для этого существуют свои, более мягкие формулы. Это создание невидимого поля симпатии, которое делает вас приятным собеседником в любой ситуации и открывает закрытые двери одним вашим появлением.

Вторая часть книги про фольклор, суеверия славян и про механику приворотов. Что такое приворот, если отбросить шелуху мистификаций? Это концентрированное человеческое желание, оформленное в слово и действие.

Перелистывая страницы, помните одну простую истину: любая сильная эмоция — это энергия. Любовная тоска — одна из самых плотных и тяжелых ее форм. Выплеснутая бесконтрольно, она превращается в болезнь. Оформленная волей, она способна сворачивать горы. Эта книга дает вам формы для выражения этой силы. Используйте полученное знание мудро. Не обращайтесь к этим силам ради праздного любопытства или мелкой мести.

Вызовы

Ветер в грозу

Встану я, девица имярек, под открытым небом, когда гром гремит и ливень льет. Протяну руки к ветру буйному. Как ты, ветер, тучи по небу гоняешь, деревья с корнем ломаешь, пыль столбом поднимаешь, так ломай и крути доброго молодца имярек. Пусть он обо мне только и думает. Куда бы ни пошел — везде мой голос слышит. Гоняй его тоской к моему двору. Сделай так, чтобы не сиделось ему спокойно, пока ко мне не придет.

Три узла в грозу завязать

Выйду я, красна девица (имярек), когда тучи чёрные надо мной сходятся, когда гром гремит так, что земля дрожит, когда молнии небо на части рвут. Выйду на крыльцо, стану лицом к ветру первому — тому, что перед ливнем прилетает, Распишу косу, подниму руки к тучам и крикну в самый ветер грозовой:

— Ветер грозовой, брат молнии огненной, брат грома небесного! Летишь ты быстрее птицы любой, нет тебе преград ни в поле, ни в лесу, ни в доме. Как ты, ветер, гнёшь деревья до земли — так склони сердце добра молодца (имярек) до любви ко мне. Как молния ударяет мгновенно и без промаха — так пусть любовь ко мне ударит в него мгновенно и без промаха. Как гром сотрясает всё вокруг — так пусть тоска по мне сотрясает всё нутро его. Как дождь проливной оmyвает землю — так пусть мысли обо мне оmyвают разум его денно и ночью. Ветер грозовой, возьми с собою жар моей любви, разнеси его по всему свету, но в первую голову — в сердце (имярек) вбей, вколоти, впечатай! Чтобы ни одна другая ему мила не была, чтобы только меня искал, только обо мне думал, только ко мне стремился. Гроза пройдёт — любовь останется. Молния погаснет — тоска не погаснет. Гром умолкнет — сердце его не умолкнет обо мне. Истинно.

Крикнуть трижды в самый сильный порыв ветра, три узла на нитке завязав. Когда гроза уйдёт — он уже твой.

На воду грозовую вернуть девицу

Вода грозовая, водой не простая, с неба высокого сошедшая, громом прогремевшая, молнией освещённая! Как молния та огненная в одночасье пронзает небо чёрное, так пусть любовь моя пронзит сердце красной девицы (имярек) в одночасье. Как гром страшен и силен, сотрясает землю и воды, так пусть тоска моя любовная сотрясёт душу девицы (имярек) до самого нутра. Как дождь проливной омывает всё живое, так пусть мысли обо мне омывают разум девицы (имярек) днём и ночью. Вода грозовая, ты с неба пришла — к небу воротись, а силу свою оставь в этой чаше. Пойдёт та сила в сердце (имярек), разожжёт там огонь любовный ко мне, (имярек). Не сможет она ни спать, ни есть, ни пить без думы обо мне. Будет я мой перед очами её стоять и во сне, и наяву. Как вода эта в чаше дрожит, так пусть сердце её дрожит при встрече со мной. Как гром ударяет без предупреждения — так пусть любовь ко мне ударит в неё без предупреждения. Вода-водица, сестра грозовая, не оставь мою просьбу без ответа, вороти ко мне красну девицу (имярек) сердцем и душой, мыслями и телом. Замыкаю слова свои семью замками железными, семью ключами заговорными. Никто тех замков не сломает, никто слов моих не перебьёт. Как сказано — так и станется. Истинно.

Читать в полночь при горящей свече, воду ту потом вылить у порога девицы, чтобы через ту воду переступила.

Вернуть через приказ домового

Возьми иглу. Воткни её в самое перекрестие куклы — туда, где линии сходятся, туда, где у живого человека — грудина. Воткни крепко. Молчи.

Потом читай — девять раз, не восемь, не десять:

Прошу я, а домовый повелевает тебе, (имя). Отзовись, проявись, на очи мои покажись. Просьба моя крепка — слово домового закон в сём доме и за порогом его. Перечить ему не смеешь, ослушаться не можешь, уйти от слова его не волен. Не игла пронзила сердце твоё — слово домового вошло в него, засело, как кость, как заноза, как зерно в землю. И прорастёт. Да будет так, покуда стоит этот дом, покуда горит этот огонь, покуда я жива.

Девять раз сказано — отступись. Свечу не гаси — пусть догорит сама. Лик оставь стоять нетронутым: пять дней даётся человеку тому объявиться. Не объявится — неси иглу на перекрёсток, закопай там. Куклу соломенну сожги до золы. Золу развей.

Ерастон и парни его

Читай тринадцать раз, лицом на запад:

Ерастон и парни его горячие — встаньте за спиной у (имя), тенью его сделайте, шагом его сделайте. Ходите за ним, бродите за ним — в торг и в дом, в день и в ночь, в явь и в сон. В спину ему шепчите непрестанно, неотступно, без роздыху. В сердце ему вложите имя моё — (своё имя) — вложите как гвоздь в дерево, как жар в золу, как слово в память. След в след за ним, шаг в шаг за ним — не отставайте, не оставляйте, не давайте остыть. Чтоб имя моё знал, помнил, не забывал — ни при людях, ни в одиночестве, ни в радости, ни в тоске. Никогда. Да будет так.

Тринадцать раз сказано — откуп не подбирай, оставь на земле. Повернись и иди домой молча, до самого порога.

Сестрами-лихоманками вернуть

Поближе к полуночи выйди на перекрёсток просёлочных дорог — не большаковых, не торных, а малых, заросших, где редко ходят. Встань лицом на западную сторону. Поставь угощение сёстрам-лихоманкам: налей в чашку вина крепкого или хлебного вина, поставь на землю — не в руках держи, на землю, на самый крест дорог.

Читай трижды, не громко — не тихо, ровно так:

Тринадцать сестёр, тринадцать лихоманок — горячих, неуёмных — летите ко рабу имярек на слово, идите на угощение. Возьмите чашу мою, выпейте до дна, а взамен сослужите службу. Летите к рабу (имя), войдите в него не в дверь — сквозь стену, не днём — в ночи, вселите в него жар по мне, рабе (имя), жар негасимый, неугомонный, как огонь в печи без заслонки. Тряску неумную по телу моему, как в ознобе лихорадочном. Пусть тоскует по мне одной, пусть в думах держит меня одну, пусть страсть его ко мне кипит, как вода в котле, пусть бежит ко мне, как вода под гору — сама, без понуждения, без удержу. Да будет так. Ни снять, ни отщептать, ни отколдовать.

Трижды сказала — поворачивайся и иди домой. Не оглядывайся. Не говори ни слова. Дойди до порога молча. Переступи — тогда уже можно.

Приворожить девицу

Тоску на девицу наслать

Лягу я, имярек, без благословения, да выйду в чистое поле, к синему морю-окияну. У моря-окияна лежит бел горяч камень, на том камне сходятся духи тёмные, силы потайные. Ой вы, духи потайные, кто меж вами старший, кто младший, кто над прочими власть имеет!

Не ходите вы в края далёкие, не топчите земли чуждые, а ступайте по сёлам да по деревням, снимайте тоску-кручину со всякого скота и со всякого зверя, со всякой травы да со всякого цвета, со всякого гада ползучего. Принесите ту тоску-кручину рабе имярек, зажгите в ней сердце с печенью да с кровью горячей по мне, имярек, — по всякому дню и по всякому часу, по утренним зорям да по вечерним.

Каково тошно, каково горько утопленнику в воде, таково чтоб тошно, таково горько было рабе имярек по мне, имярек, ныне да во все времена.

Лягу я, имярек, без благословения, да пойду из избы не дверьми, из двора не воротами, кругом не по солнышку — на западную сторону, к морю-окияну синему. На море-окияне стоит остров Дубовой, на острове том стоит древо крепкое, а в том древе сидит птица без перьев, без крыльев. Летали к той птице птицы разные, приносили ей тоску великую да ключи от тоски.

Каково тошно и горько птице без перьев, без крыльев, таково чтоб тошно и горько было рабе имярек по мне, рабу имярек. Каково тошно и горько рыбе-белухе в реке без воды, таково чтоб тошно и горько было рабе имярек по мне, рабу имярек.

Как ерзает верхний жернов по нижнему, так бы ерзало сердце с печенью да с кровью горячей у рабы имярек по мне, рабу имярек, по всякому часу.

Каково тошно, каково горько бревну отделённому от прочих брёвен — от верхнего, и от среднего, и от заднего, — таково чтоб горько, таково чтоб тошно было рабе имярек по рабу имярек по всякому дню, по всякому часу, и в дни, и в ночи, по утренним зарям да по вечерним, в полный час и в полчаса. Да будет слово моё крепко, да пристанет тоска к сердцу её навек.

О вселении Елизы в девицу через куклу

Аще иматъ молодец куклу девицы, может в нея Елизу похотную вселити. Для того, егда луна полна, гряди на перекрест с куклой, совлеки порты, рукою вихор свой лади спешно, семя на куклу излей и размажь, перстью с середины перекреста присыпь и девять раз глаголи:

«Елиза лихая, похотью горячая, не летай, не броди — но во рабице (имярек) живи, вселися, похотью со мною упивайся и наслаждайся. К рабице (имярек) ступай, в ней обитай и мене, молодца с палкой крепкой, к ней подзыватися заставляй. Таково да будет!»

Любовный заговор на росу

Заря алая занимается, солнце красное восходит, роса медвяная под лучами высыхает, птицы из гнёзд вылетают да песни распевают. Встаю я, имярек, от сна своего, умываюсь росой утренней, сердцем чистым к пути заветному устремляюсь. Есть в океане-море бел-камень горячий, а к тому камню птица ластовица прилетает, гнездо своё там свивает да птенцов выводит, радостью сердце полнится. Так пусть и сердце красной девицы имярек при виде меня радостью наполняется, пусть всякий день и всякий час обо мне помышляет, ласкою ко мне тянется. Как древо на реке Ласке ветвями свивается, так пусть и девица имярек со мною, имяреком, в единстве пребывает, любовию да нежностью сердце полнит, ни на кого иного не глядит. Да будет наша связь крепка, как камень нерушимый, да длится во все времена — и при месяце молодом, и при полном, и при перекрое!

Три раза молви, затем росой умыться надобно.

Приворотные слова на три воды ключевые

Возьму я, добрый молодец (имярек), воду ключевую, из-под камня бел-горючего, из-под корня дубового, из самых недр земных. Та вода не простая — три зори в себя вобрала: зорю утреннюю, зорю полуденную, зорю вечернюю. Три силы в ней: сила земная, сила водяная, сила тайная. Встану я, (имярек), до света раннего, пойду в поле чистое, где ветры буйные гуляют, где травы шёлковые стелются. Поклонюсь на все четыре стороны: восточной, западной, северной, полуденной. Наберу воды той ключевой в чашу серебряную.

Стану над водой, слова приворотные шептать, силу тайную в воду пускать:

— Вода-водица, царица земная, течёшь ты из глубин подземельных, омываешь корни древние, камни вековые, знаешь ты все пути тайные, все ходы потайные. Как ты, вода, проникаешь в землю-матушку без остатка, так и тоска моя любовная пусть проникнет в сердце красной девицы (имярек) без остатка. Как ты, вода, точишь камень день за днём, так и образ мой пусть точит сердце девицы (имярек) день и ночь, час от часу, минуту от минуты. Как жаждет путник в степи глотка воды студёной, так пусть жаждет душа девицы (имярек) меня, добра молодца (имярек), увидеть, слово услышать, рядом быть. Как не может рыба без воды жить, так пусть не сможет (имярек) без меня, (имярек), ни дня прожить, ни ночи проспать, ни куска съесть, ни глотка испить. Как река к морю синему стремится неудержимо, так пусть сердце девицы (имярек) ко мне стремится через леса дремучие, через реки широкие, через горы высокие. Вода-водица, сослужи мне службу верную, приворожи красну девицу (имярек) ко мне, добру молодцу (имярек). Будьте слова мои крепки и лепки, твёрже камня горючего, острее ножа булатного. Что сказано — тому быть, что загадано — тому сбыться. Как воды отоплет — слова мои в сердце (имярек) входят. Замыкаю замком железным, ключ под бел-горюч камень бросаю. Никому не открыть, никому не отпереть. Аминь.

Читать три раза на воду, взятую три раза, утром днем и вечером. Воду ту после дать девице испить тихонько, чтобы не знала.

Солью окормить на любовь жгучую

Из моих уст, сладких да медвяных, истекает поток огненный, пламенеющий, неудержимый. Да не коснётся он ни мёда тягучего, ни патоки липкой, ни вина зелёного, ни пива хмельного, ни кваса бодрящего, ни всякой снеди да питья, ни рыбы речной, ни мяса звериного, ни хлеба насущного, ни соли солёной; да минует он и воду текущую, и землю сырую, и лес дремучий, и птицу вольную — что в вышине парит, что на ветке сидит; да не падёт на зверя дикого — что рыщет, что ходит, что стоит, что спит; да не затронет скотину четвероногую и всякую тварь земную; да пройдёт стороной древо высокое и древо поваленное, камень синий и камень чёрный, белый и серый, и красный тоже; да не впитается в мать-землю, в холмы крутые, в болота зыбкие, в дебри тёмные, в чащи непролазные, в реки стремительные, в море крайнее, в озёра тихие, в лёд студёный и в снег пушистый; да не пристанет к хоромам крепким, к бане парной, к риге просторной, к амбарам хлебным, к стаям скотным — ни к чему земному и тленному. Лишь в одну-единственную — в красную девицу имярек — пусть проникнет тот поток: в кровь её горячую, в волос шелковистый, в очи ясные, в лик светлый, в тело белое, в сердце ретивое, в нутро сокровенное, в кости крепкие, в мозги светлые, в жилы живые, в составы гибкие — и в руки её, и в ноги, и в самые потаённые части тела, во весь её стан, в наготу её, в каждый миг её бытия: когда стоит она, когда сидит, когда лежит, когда спит, когда по дороге идёт, — в самый взор её заветный пусть войдёт моя огненная речь.

Да вспыхнет в ней тот огонь от слов моих, от голоса моего, от взгляда моего, от думы моей о ней; да наполнятся семьдесят жил её и семьдесят составов той силой пламенной, да укрепится в ней та тяга неистовая.

Подобно тому как пуля из пищаля прямо летит, как ядро из пушки с грохотом несётся, как стрела из тугого лука в цель верную устремляется — так пусть и моя тоска в ту красную девицу имярек войдёт без промаха, чтоб без меня, доброго молодца имярек, горько ей было и тошно, днём и ночью, при месяце новом и при месяце полном, при ветхом и при перекрое, и в межные дни, и в пятницы заветные.

Как дитя малое без матери изнывает, днём тревожится, ночью просыпается, по груди её тёплой тоскует; как рыба без воды бьётся и задыхается; как зверь лесной по чащобе родной тоскует; как птица в неволе по воздуху вольному горюет; как узник по воле долгожданной томится; как милый по милому плачет и сердце рвёт — так пусть и та красная девица имярек по мне, доброму молодцу имярек, тоскует, пусть днём тревожится, ночью пробуждается, тяжело вздыхает, слезами горячими умывается, сердцем по мне рвётся.

Пусть отец ей и мать, братья и сёстры, подружки задушевные да прежний милый друг отныне покажутся ей словно звери лютые в чаще лесной, словно враги заклятые у порога, — не сможет она на них и глазом глянуть, не захочет ни слова молвить. А я ей, красной девице имярек, пусть буду в очах её словно солнышко ясное на небосводе, словно месяц светлый в ночи беззвёздной, милее отца и матери, родни всей и друга прежнего; а его пусть возненавидит, как врага лютого, что сердце леденит.

Меня же, доброго молодца имярек, пусть любит сильнее себя самой, пусть сохнет по мне и горит, как человек в час последний от боли изнывает, — да пуще того, да горше. Без меня, доброго молодца имярек, не сможет она ни дня прожить, ни ночи перебыть: слезами горькими будет умываться, а той тоски ничем не избыть — ни отдыхом долгим, ни сном крепким, ни ходьбой дальней, ни едой задушевной, ни травами целебными, ни кореньями могучими; ни брат, ни сват, ни друг задушевный её от той тяги не избавят.

Как деревцо осиновое, под корень срубленное, на солнцепеке сохнет да чахнет, под ветром буйным трепещет и гибнет — так пусть и та красная девица имярек без меня сохнет и

чахнет, по мне, доброму молодцу имярек, томится и рвётся, до последнего вздоха, до самой гробной доски.

Над солью трижды те слова произнести надобно — да чтоб голос звучал ровно, да чтоб дума была крепка, да чтоб слово легло на сердце нерушимо.

Присуха на костер в ветреную погоду

Хожу аз, раб Божий имярек, подле синее море, прошу милости великой; стану, раб Божий имярек, поклоняться и покоряться четырём ветрам и четырём вехорям: «Станьте вы, четыре ветра и четыре вехоря, сколыблите сие синее море, выколыблите из синего моря бел-латырь камень». Вынимаю аз, раб Божий имярек, из-под бела-латыря камня тридевять золотых ларцов; вынимаю огонь палящий, негасимый, на землю его мечу. Снова стану поклоняться и покоряться четырём ветрам и четырём вехорям: «Станьте вы, четыре ветра и четыре вехоря, понесите от меня, от раба Божия, огонь палящий неугасимый к рабе Божией имярек — по месяцу и по солнцу, по зорям и по лунам, по звёздам и по всем сторонам. Где её ни увидите, туда вложите в неё огонь палящий, неугасимый, — да горело бы у рабы Божией имярек ретивое сердце, семьдесят жил, две жилы, семьдесят суставов, два сустава — по мне, по рабу Божию имярек. Днём при солнце, ночью при месяце, месяца ветха и полна, и перекроя, по всякий день, по всякий час, в утре рано и в вечери поздно, и на межных днях». Замыкаю золотые ларцы, опускаю их под бел-латырь камень, мечу золотые ключи в синее море. Как не бывать белу-латырю камню из синего моря, так бы не бывать рабе Божией имярек от меня, от раба Божия имярек, вовек. Истинно. Не прилипайте, мои добрые слова, ни к сухому дереву, ни к смоливому, ни к кости, ни к камню; прилипните же, мои добрые слова, к рабе Божией имярек — в её ясные очи, в сахарные уста. Не падите, мои добрые слова, ни на землю, ни на воду, ни на траву, ни на мхи, ни на болота, ни на глубокие ржавчины; падите же, мои добрые слова, на рабу Божию имярек — в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце. Будьте же, мои добрые слова, быстрее быстрой реки, вострее острого ножа. Тем моим словам быть вовек. Истинно.

На наливное яблочко Елизку вселить

Ежели добрый молодец оком своим зорким углядит яблочко спелое, что на ветви к самой земле никнет, так пусть немедля его сорвет. Да не просто в руки возьмет, а баюкает во дланях и приговаривает трижды:

Плод румяный ко греховой усладе сотворен, тако же ветвь от тягости земной долу преклонена, так бы и имярек предо мною выю свою гнула, словно та ветка под тяжестью сгибалась. Как он соком медвяным до краев истекает, так бы сердце имярек по мне пламенем ярим полыхало. Пусть плоть ее истомою сладкой изойдет, да всяк час лишь обо мне одной помышляет. Елизка через яблоко войдет, огонь разожжет. Пусть думкой своей меня день и ночь милует, словом добрым лишь со мной одним говорит, просьбой слезной лишь у меня одного ищет, стезей-дорожкой лишь к моему порогу ходит. Пусть утехой телесной со мной тишится, да сим деянием тайным грешит-погрешает, словом вещим моим заговаривается, яблочным говором навеки ко мне прилепляется. Арип

Опосля того надобно устами своими к самому плоду припасть, ровно ту особу ненаглядную лобзая, да прошептать напоследок:

«Коли вкусишь сего — так моей лаской утешишься. Быть посему».

И надлежит тот плод сей зазнобе снести, дабы отведала она его без остатка. Только крепко запомни: брать зачарованный плод должно строго с ветки низкой, что сама к земле тянется. А коли с высокой да гордой ветви сорвешь — выйдет один блуд пустой да томление недолгое, ни на что более годное такой задел не послужит.

Присуха на рыбу

Встану раненько, взойду на высокую гору, ускричу, взвоплю своим громким голосом: «Ой вы, Эрастон со шайтанами со малы, со великими, вылезли с окяна-моря, возьми огненную тоску мою, пойдите по белу свету, не зажигайте вы ни пенья, ни колодья, ни сырые деревья, ни земни тровы, зажгите у рабы по мне, рабу, душу.

На море-окяне, на острове на Буяне стоит тут мыльня, в той мыльне лежит доска, на той доске лежит тоска. Пришёл я, раб имярек: «Что ты, тоска, тоскуешь и горюешь?»

Не тоскуй, тоска, не горюй, тоска, поди, тоска, уступи, тоска, рабе имярек, чтоб она тоскавала и горевала по мне, по рабу имярек; как тот огонь горит в году и в полугоду, днём и в полудни, и часу, и в получасу, так бы та раба по мне, по рабу, горела: белое тело, ретивое сердце, чёрная печень, буйная голова с мозгом, ясные очи, чёрные брови, сахарные уста.

Сколь тошно, сколь горько рыбе без воды, и так бы рабе имярек тошно, горько по мне, по рабу, и дня, и полудня, и часа, и получаса, в году и полугоду, и недели, и полнедели, и об ветху, и об молоду, и о перекрое. На что загадал, на то и стань. Арип».

Начитай на живую рыбу, глядя в глаза ей, да жарь и накорми девицу.

Для любви на яблоко

Есть тайный способ, что в старину испытан был. В пятницу поутру, до того как солнце взойдёт, ступай в сад да сорви с дерева яблоко самое спелое да красивое. Возьми лоскуток белый из полотна тонкого, напиши на нём своей кровью имя своё да прозвание, а ниже — имя той девицы, чьё сердце склонить желаешь. Добудь три волоса её, да соедини с тремя своими; они послужат для малого свитка, что вновь напишешь кровью своей, выведя на нём слово «*Scheva*».

Разрежь яблоко надвое, зёрна из него вынь, а на их место помести те свитки с волосами, что связал крепко. Воткни в половинки два вертёлыца, из сучков миртовых заострённых сделанные, да соедини обе части яблока воедино. Высуши плод в печи хорошенько, чтоб отвердел он и влаги не держал, подобно тому, как сушат плоды в строгий пост. Обложи его листьями миртовыми да лавровыми, перемешав их меж собою, да укрой незаметно под изголовье той девицы, чтоб она того не заметила. В скором времени даст она знак, что сердце её к тебе тянется.

Присуха-подчин на муравейник

Возьмёшь с головы волосок, и положишь в яйцо в белое невареное, и запечатаешь серою, и возьмёшь тридевять зернят житных, и мелешь против солнца, и варишь тридевять колобков в коробочки в лесу в ямки; и коробочка чтоб была чиста, и сам бы был чист, и всё платье чисто. И пойдёшь в лес к осине, и ударишь топором от себя вон, как одним ударом, выколупаешь щепу осиновую, и пойдёшь в лес о солнечном закате, и станешь возле муравейника к западу лицом; колобки на щепу положишь на осиновую, и положишь на сучье в дерево над муравейником, а яйцо положишь в муравейник, закопаешь, а сам говори:

Лягу не молвив, стану не молвив, стану будить умерших: Станьте, умершие, разбудите убитых! Станьте, убитые, разбудите усопших! Станьте, усопшие, разбудите с древа падших! Станьте, с древа падающие, разбудите заблудящих! Станьте, заблудящие, разбудите зверей подьемущих! Станьте, звери подьемущие, разбудите неkreщённых! Станьте, неkreщённые, разбудите безымянных! Да я к вам пришёл, имярек, а принёс к вам честной обед, поминок, белую лебедь, а в белой лебеди знадбу принёс от раба имярек; и вы по той знадбе возьмите сего раба имярек, от которого я вам принёс знадбу и белую лебедь, и вы того раба возьмите себе на сбережение и на свои руки, да возьмите себе ум и память, не дайте ему в ночи спать, ни в день дела делать, ни с людьми едовать, ни на себе платья носить; держите вы его, доколе я к вам не буду с обедом и с белым лебедем; а от меня вам будет белая лебедь за вашу службу.

А сего раба другая белая лебедь, и честной обед, и поминки, и вы от него отступите прочь, отдайте его вы мне на руки, раба или рабу имярек, нарядите его вы умна и памятна и отступите от него прочь, отдайте вы его на руки, раба имярек, нарядите вы его умна и памятна. По-старому в день бы делал, а в ночь бы спал, и в платье один ходил, и в ночь бы спал, и с людьми бы едовал, и один бы в платье ходил.

И ударь челом трижды к западу, трижды говори, а помянуть тридевять колобков да два яйца.

Приворот на зеркало

От востока до запада, от юга до севера, от земли до поднебья, от морских далей до воздушных пределов — пусть летит слово моё, добрый молодец имярек, и облик мой в зеркало да в стекло запечатается.

Прихожу я, добрый молодец имярек, к чёрному морю, челом бью, поклон отдаю седому мужу: «Ой еси ты, седой муж, старец вековой! Внемли гласу моему, доброго молодца имярек, сослужи службу верную: ступай ты к красной девице имярек, прельсти её душу да тело, сердце её и все кости, жилы да суставы, разум её и зрение, чтоб всё в ней по мне, доброму молодцу имярек, трепетало и томилось.

Чтоб она, красная девица имярек, сохла да тосковала по всякому дню и по всякой ноци, и как взглянет она в стекло да в зеркало в полдень ясный и в полночь тёмную, с утра раннего да в вечер поздний, — чтоб тут же обо мне, добром молодце имярек, помышляла, чтоб сердце её сжималось, а душа рвалась.

Внемли же мне, старец седой, меня, доброго молодца имярек, услышь! Возьми с собою огниво булатное, высекай им искры яркие, огни пламенные да переноси их в моё светлое зеркало, в отражение моё, добрый молодец имярек. Зажигай тем огнём всякую тоску да сухоту в той красной девице имярек по мне, доброму молодцу имярек.

Тем же огнем булатным, пламенем жарким зажигай всякое дерево — и стоячее, и лежащее — от края до края света, и так же зажигай в той красной девице имярек душу да тело, сердце да разум, зрение её да силу молодую, чтоб вся она по мне, доброму молодцу имярек, пылала и томилаась.

Ой еси ты, старец седой, будь мне отцом да матерью, братом верным, помоги в деле заветном! Сделай так, чтоб той красной девице имярек без меня, доброго молодца имярек, было тошнее тошного да горше горького, чтоб всякая иная радость ей в тягость была, а обо мне лишь думы да мысли в сердце жили.

Да будет слово моё крепко, да пристанет к душе её, к сердцу её, к крови её горячей. Ключ и замок моим словам, а сила их в зеркале запечатлется, а облик мой, доброго молодца имярек, в нём навек останется, чтоб всякий час и всякий миг обо мне она помнила.

Пойдёт седой муж путём незримым, начнёт та красная девица имярек в тоске своей изнывать, и не избыть ей той тоски от сих моих слов, от голоса моего, от помысла моего — отныне и до веку, по всякому часу, по всякому дню, по мне, доброму молодцу имярек.

Сии слова трижды над зеркалом после бани произносить надобно.

На еду и питье

Заговор на присуху.

На заре утренней пойду аз под тихий облак, под красную зорю, под частые звёзды, и узрю царя Жажду. Царь Жажда, объяви мне огненную реку. Да не падёт та река ни в реки, ни в озёра, ни в морские ключи, но падёт во уста имярек. И как та огненная река пылает, так бы горело сердце у той рабы имярек на всякий день и на всякий час, и в месяц молодой, и в месяц ветхий.

Слова сии над вином глаголь, и над перцем, и над чесноком — трижды, на что хочешь.

Присуху пустить по ветру

Заговор на присуху женщины.

Стану, благословясь, пойду, благословясь, в чистое поле, под солнечную сторону. Там стоит дуб сыр-матерый, крякновистый. Стану аз, раб Божий имярек, поклоняться и покоряться четырём ветрам да четырём вехорям: «Станьте вы, четыре ветра и четыре вехоря, понесите вы тоску и кручину, и печаль необычную со всех четырёх сторон — от востока до запада, от юга до севера, — со всякого человека: с царя и царицы, с чернца и черницы, с белца и белицы, со стара и со млада — ко мне, к рабу Божию имярек, во едино место». Снова поклонюсь и покорюсь четырём ветрам и четырём вехорям: «Станьте вы, четыре ветра и четыре вехоря, понесите меня, раба Божия имярек, по солнцу и по месяцу, по звёздам и по лунам, и по всем сторонам; где её ни увидите, туда вложите в неё тоску и кручину, и печаль необычайную. Да тужила бы раба Божия имярек по мне, по рабу Божию имярек, — днём при солнце, ночью при месяце, по всякий день, по всякий час, по всякое время, месяца ветха и полна, и перекроя. Той тоски и великой печали сахаром не заестъ, питьём не запить; ни с отцом, ни с матерью не отсесться, ни с братьями, ни с сёстрами, ни с суседами не отсидеться; ни на ветру та печаль не пройдёт, ни делом не отделается. Вовек веком. Да будет так».

На воду речную

Пойду я, добрый молодец (имярек), к реке быстрой. Найду то место, где вода бежит скоро, где струи меж камней пенятся, где глубина тёмная с отмелью встречается. В том месте вода живая, сильная, быстрая — сила в ней превеликая. Опущу руки в ту воду, зачерпну полную чашу наговорную.

Стану лицом против течения, ноги босые в воде студёной, и заговорю:

— Река-матушка, река быстрая, течёшь ты день и ночь без устали, не знаешь покоя ни в зиму лютую, ни в лето жаркое. Как ты, река, неустанна в течении своём, так пусть неустанны будут думы красной девицы (имярек) обо мне, добре молодце (имярек). Как ты, река, не можешь вспять повернуть, так пусть и сердце девицы (имярек) ко мне одну дорогу знает, не может повернуть вспять, ни к другому обратиться. Как вода твоя омывает каждый камень на пути, так пусть образ мой омывает душу её день и ночь. Как бежит твоя вода к морю широкому, не сворачивая, так пусть сердце (имярек) бежит ко мне, не сворачивая. Как рыба без воды задыхается и на воздухе погибает, так пусть (имярек) без меня задыхается и покоя не знает. Как не вычерпать тебя, река, ни ковшом, ни ведром, так не вычерпать из сердца (имярек) любви и тоски по мне. Вода быстрая, вода сильная, понеси слова мои далеко, до самого сердца девицы (имярек), опусти их в самую глубину души её, оплети корнями крепкими, врасти в неё навечно. Чтобы ночью я ей снился, днём в мыслях был, в сумерках в сердце стучал, на рассвете к себе звал. Вода-матушка, будь моей помощницей в деле любовном, соедини нас судьбами, свяжи сердца в узел тугой. Замыкаю заговор свой ключом водяным, бросаю тот ключ в омут глубокий. Никому не достать, никому не открыть. Что водой заговорено — водой скреплено, водой и сбудется. Истинно так.

Читать на быстрине речной, лицом против течения, воду ту дать девице испить.

Приворот на траву полынь

Выйду я, раб (имярек), во мрак, в чисто поле. Пуцу я тоску-скуду на рабу (имя) под подушку. Светит месяц под часты звезды, под закат красного солнца. Гляну я, раб (имярек), на все четыре стороны. На море-окияне, на острове Буяне стоит столб; на том столбе лежит каменна плита, а под той плитой спит красная девица — лихо не мыслит, устами не молвит. Так бы и ты, раба (имя), устами не молвила, лихо не мыслила, только б меня, раба (имярек), держала на уме да на разуме. Не засиживалась б в едах, не залеживалась б в постелях. Горело бы у тебя ретивое сердце, болело день ото дня, час от часу и во веки веков.

Слово мое крепко. Замыкаю замком железным.

(Говорить 12 вечерних зорь подряд по единожды на полевую траву, замком закрыть слова сии да сунуть девице травы той да под подушку).

Приворот на щепку и нитку

Сей заговор — к женкам.

Возьми нитку из-под хребта, что в сорочке пребывает; да где сидит женка, с того места щепку выколупай, да пополам её перережь. Одну половину в огне сожги, глаголя:

«Как горит щепка в пламени жарком, так бы горело сердце имярек по мне, имярек».

Другую половину под левую пяту положи, глаголя при том:

«Так бы ступила вслед за мною имярек — где бы я ни был, сплю ли, хожу ли... Так бы напали мои слова на сию рабу Божию имярек — по мне, по рабу Божию имярек, — и днём под солнцем, и ночью под месяцем. И не избавит её от слов моих никакой человек, на земле живущий, — ни стар, ни млад, ни мужик, ни женка, ни старец, ни старейца, ни колдун, ни ведун».

Приворот женки на кольцо для мужика

Аще муж сквозь кольцо, егда луна полна, свое семя изпустит и ту же кольцо сие на перст милой рабице наденет — век она с ним токмо и будет. А егда кольцо на руку ей возлагает, да в уме словеса изречет:

«Яко семя мое сквозь кольцо прошло, тако и в рабицу (имярек) век входити будет, да мене единого отныне любит, голубит, привечает, иных же отженет и отвергнет. Арип.»

Эрастон (на тоску жены по мужу)

Делается на луну умаляющуюся. Берут потрет имярек жены. Устанавливают его стоймя. По праву и леву руку зажигают две черные свечи. Перед потретом кладут зеркало отражающей стороной вверх, так чтобы в нем отражался лик и свечи. Берут в десную длань нож. Читают заклинание трижды:

Тринадцать ден, тринадцать ночей по дорогам пыльным ходом ходил, то не человек, а сам Эрастон блудящий ходил, горевал, жену свою выкликивал. А жена его та непростая, сама тоска черная, слезьми пропитана, сердце она поедом разедает, кого коснется — тому свет бел немил станет, дотронется — тот в петлю головушку сунет. Все ей покорны, все под пятой лежат. Так тот Эрастон ту жену скаредную выкликает, за семь верст свистом хлыстовым позоывает, вихрем крутит, лесом шумит, женушку верную, тоску скверную воротами дальними, ходами звериными зазывает, от горя рыдает. Да я тому Эрастону молву кидаю, словами людскими поясняю, всё сказываю: «Жена твоя ныне за тридевять земель заброшена, там ей судьбинушка уготована. Сердце имярек жены оно там поедом съедает, имярек жены плачем к имярек мужа зазывает, слезой черной, мукой любовной, да в кровинушке белой, да в душе имярек жены оно нынче хозяйничает. Грызет её, в дорогу собратся погоняет, шепчет она ей на ухо правое: — Иди ты дорогой, лети ты птицей сизой, да ты, имярек жены, к имярек мужа спеши! Путиами окольными, стезями скитальными. Муку тогда забудешь, сердце покоем оставишь. А коли не пойдешь — стеной черной тебя окружу, волной коварной с головой захлестну, каждую жилочку тоской высушу, ночами спать ты, имярек жены, не сможешь, без имярек мужа уснуть вовек не сможешь. Иди путем ближним, да к нему иди!» Таковое ее шипение, таковое мое сказание. Да и ты, Эрастон, жену коль поиском ищешь, то спеши семимильную верстиночку, да к женушке своей беги. Вместе вам терзать имярек жены, мукой страдальной имярек жены по имярек мужа изводить. Пусть дорогу она каждую осилит, имярек жены тоской сгрызаема, Эрастоном погоняема, стрелой каленою пусть имярек жены к имярек мужа летит! Вызов сей адовый, заклятый. Не снять никому, не перебить ведуну. Арип. Арип. Арип.

Страсть лютую разжечь через три куска мяса

Слушай же иной сказ, как не через питье медовое да зелье тайное человека к себе притянуть, а через мясной окорм утробную страсть распалить.

Для того дела надобно взять кусок мяса — либо сала свиного с прослойкой, либо мясища сырого. Дай ту снедь псу на цепи али бродячему отведать. Как только животина в тот кус зубищами своими вцепится, жрать зачнет со слюной да урчанием, тут ты времени не мешкай. Всеми правдами, а ежели пес рычит да не отдает — так и силой выдирай у него мясо из пасти.

Как кусок обратно при тебе окажется, еще теплым звериным духом исходящий, немедля про себя трижды промолви:

«Не ради потехи собачьей сей кус ворую, а раба (имярек) к себе пришиваю. Как сия тварь за мясом дрожит, покоя не знает, зубами его рвет, так бы и раб (имярек) по мне тоской заходился, любовью ярою ко мне тянулся. Без меня ему ни сна, ни отдыха, еда ему пресна, вода солоня. За мной ходить ему следом верным, что кобель за сукой, покою-благодати без меня не ведать. Слово мое крепко, аки бел-горюч камень Алатырь. Никому того слова не перебить, водою не смыть, ветром не сдуть. Арип».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.